



## **А. С. НИКОЛЬСКИЙ**

### **<История противолютеранской богословской полемики Русской церкви XVI и XVII веков>**

<Фрагменты>

#### **<ПРОТИВОЛЮТЕРАНСКАЯ БОГОСЛОВСКАЯ ПОЛЕМИКА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУССКОЙ ЦЕРКВИ XVI И XVII СТОЛЕТИЙ>**

В богословской литературе северо-восточной Русской церкви, особенно до начала XVIII столетия, мы находим не много сочинений, написанных в опровержение лютеранства. История этой литературы представляет иногда довольно продолжительные промежутки времени, в которые мы не встречаем ни одного полемического противолютеранского сочинения. Это объясняется историею лютеранства в нашем православном отечестве, отношениями наших предков к его последователям. Народ русский, умевший понять и оценить православную веру, исповедуемую греками, и оказавший ей предпочтение пред всеми другими религиями и христианскими вероисповеданиями еще в то время, когда погружен был в мрак язычества, всегда и постоянно, в продолжение всей своей истории, оставался неизменно верным этой вере. На православие русский народ смотрел всегда как на свое лучшее достояние, как на величайшее, нецененное, ничем не заменимое и ему одному принадлежащее сокровище. В православии своей веры он полагал свою силу и славу и свою (если можно так выразиться) гордость. И потому его особенно и преимущественно с любовью и твердостью хранил и защищал он в смутные, тяжелые годы своей истории. Православие всегда составляло главное, основное начало жизни русского общества, существенную принадлежность его народности. Русские, особенно до конца XVII и начала XVIII столетия, даже и не отличали своего православия от своей народности: православие и народность

были для них одно и то же; им, т. е. своим православием, и по нему они отличали свою народность от всех других народностей. Всех иноземцев русский называл «неправославными», выражая этим отличие их народности от своей собственной; и в покушении на свое православие он видел покушение на свою народность, на свою жизнь политическую. Вот, главным образом, почему русский народ никогда не оказывал сочувствия другим религиям и другим христианским вероисповеданиям! Потому-то и учение Лютера никогда, особенно до XVIII столетия, не находило между нашими предками многих последователей. Многочисленные и решительные свидетельства иностранцев, имевших случай и возможность хорошо познакомиться с Россией и русскими, не допускают в этом ни малейшего сомнения\*.

Притом лютеранство по самому существу и характеру своему было не таково, чтобы могло в нашем отечестве приобрести себе

---

\* «Владимир склонился на мнение придворных и принял крещение по обряду греческому; с того времени Русь упорно держится обрядов греческих», — пишет польский писатель Кромер (*Cromer. De rebus Polon. Lib. III. P. 57. Warszawa, 1766*). «С того времени, т. е. с 6497 года от сотворения мира, по счислению всех русских и греческих летописей, а от Христа с 989 года, что составит в нынешнем 1579 году, когда это пишется, 599 лет, все русские народы белой и черной, восточной, северной и южной России пребывают твердо и непоколебимо в вере христианской по обрядам и обычаям греческим», — пишет Стрыйковский (*Stryikow. Kronik. Polsk. Lib. IV. P. 132. Warszawa, 1776*). «По отправлении послов для узнания, какая вера в мире основывается на самых лучших началах, он (Владимир) принял учение христианское и обряды и обычаи церкви константинопольской, — в каковом исповедании и *доселе* русский народ стоит *твердо*», — говорит Сарницкий (*Sarnie. Annal. Polon. Lib. VI. C. 2. In Glug. Hist. Polon. T. II. P. 1043. Lips, 1712*). Такое же свидетельство находим и у Матвея Меховита в его истории (*Chronic. Polon. Lib. II. C. 3*). «Русские, — пишет Павел Иовий, — с непоколебимою твердостью сохраняют и *поныне* учение и обряды, принятые ими от греческих наставников» (Павла Иовия книга о посольстве великого князя Василия Иоанновича к папе Клименту VII, в конце т. 1. Библиот. иностранных писателей о России. С. 41. СПб., 1836). «Нельзя не удивляться, — говорит Кобенцель, — усердию и ревности, с которыми он (русский народ) сохраняет это учение (принятое от греческой церкви) до сего времени» (*Johann Cobencell. de legat. ad Moskowitas epistol. См. русский перевод в Журн. минист. народ. просвещ. Ч. XXXV. С. 130*). Такие же свидетельства находим у Гваньини (*Guagnini. Sarmatiae Europaeae descriptio. P. 87. Spiraе, 1581*; или — *De russorum Moscovitarum et tartarorum religione, sacrificus et caet., ex diversis scriptoribus... P. 225. Spiraе, 1583*), Герберштейна (*Rerum Moscovit. auctor. varii. P. 5 et 19 ed. Francof., 1600*) и др. (см., напр.: *Nicolai Christiani Kist. Orationes, quae Ecclesiae reique Christianae spectant historiam, quatuor. Lugduni Batavorum 1855. 8*).

многих последователей и приверженцев. Лютеранство, будучи вызвано реакцией против папства, представляло по отношению к нему совершенно противоположную крайность. Что было принимаемо и твердо хранимо в католичестве, лютеранство беспощадно все порицало и отрицало, не разбирая, что было в нем истинного и ложного, доброго и худого, законного и незаконного. Хотя такое направление лютеранства выходило из пределов умеренности, благоразумия и беспристрастия, но оно соответствовало состоянию умов, взволнованных и раздраженных злоупотреблениями Римской церкви. В этом и заключалась тайна силы и быстроты распространения лютеранства на Западе. Оно ничего не щадило для того, чтобы разоблачить папство, раскрыть все его недостатки, заблуждения, злоупотребления и незаконные притязания. И оттого-то оно с изумительною быстротою распространяется в тех преимущественно странах, над которыми тяготело иго папства и которые потому более других имели причины быть им недовольными. Лютеранство открыло возможность свергнуть тяжелое и нравственное и внешнее иго Рима, и даже представило это делом вполне законным и богоугодным. И вот, некогда покорные и безмолвные рабы пап, как обыкновенно бывает в подобных случаях, с радостью наперерыв спешат под знамя реформы и делаются жестокими и непримиримыми врагами наместников апостольского престола и их системы. Увлекаясь порывом чувства негодования против злоупотреблений пап, порицаемых лютеранством, увлекаясь далее неудержимым стремлением к ожидаемому от реформы освобождению от векового, гнетущего ига папской тиары, большинство прежних папистов, не могло спокойно и беспристрастно взвесить и оценить новое учение и отделить в нем истину от увлечений и крайностей, и принимало протестантство со всеми его крайностями.

В нашем отечестве не имели места все эти обстоятельства, приготовлявшие богатую почву для проповедников Реформации на западе. Наша церковь никогда не испытывала на себе всей тяжести злоупотреблений римской тиары. У нас слишком хорошо понимали папство еще задолго до появления Лютера. Протесты и возражения Лютера против папства не были неслыханною дотоле новостью для наших православных предков, которые и прежде Лютера ясно сознавали и обличали несостоятельность римского католичества, его уклонения от истины, его незаконные притязания. Наконец, Лютерова реформа не обещала православным русским и никаких

внешних, временных выгод. И потому она не могла встречать у нас то горячее сочувствие, какое встречала на католическом западе, и не могла увлекать многих на свою сторону. Сочувствуя справедливым и законным возражениям лютеранства против католичества, наши предки не могли не видеть его крайностей, его увлечений, которым нельзя было сочувствовать\*. Далекое от православия, исповедуемого всегда твердо нашею церковью и ее верными чадами, лютеранство и по духу и характеру своего вероучения несколько не соответствовало нравственно-религиозному характеру русского, его воззрению на христианство, Лютер обратил христианство в отвлеченную, сухую, философскую систему; между тем русский народ понимал и представлял христианские истины не иначе как в живых, конкретных образах, и притом в их живой непосредственной связи с действительностью и жизнью человека. Он понимал христианство не как *только* разумную систему, решающую все вопросы разума, но преимущественно и прежде всего, как животворную и животворящую, спасительную силу, как начало и закон для своей жизни и деятельности. Отвлеченные догматы лютеранства были непонятны для ума православного русского, ничего не говорили его сердцу и казались излишними и бесполезными для жизни и нравственности христианской. Последователей Лютера в XVI и XVII столетиях называли у нас вообще «немцами», т. е. немыми, неразумными. Их почитали и величали еретиками, зловерными, нехристями, т. е. некрещеными, безбожными, погаными и т. п.\*\*. Их чуждались, их бегали, боясь, «чтобы не осквернились

\* «Учение (dogma) Лютера было бы близко к истине», — говорил царь Иоанн Васильевич IV (у Оберборния, в его Vita Johan. Basilid. Lib. 1. P. 204) протестантскому пастору Бокгорну, «и можно бы терпеть его, если бы Лютер, нападая с неумеренным жаром на папу, не испроверг древнего священного (церковного) порядка и своего знания Свящ. Писания не очернил низким отступничеством, свержением монашеской одежды и женитьбою на беглой монахине». «Мартин Лютер и сам не научился апостольскому учению, и других учил *от себя*», читаем в Изложении на Лютера, составленном попом Иоанном (см. рукоп. Солов., теперь Казан. Акад. библ. № 607, гл. 47), — «он справедливо уразумел, что папа римский уклонился от истины и справедливо восстал на папу, проклятого всею вселенной. Но, удалившись от Рима, он не приложился к истинной апостольской церкви и выдумал и предал своим последователям многие ереси, еще злейшие папских».

\*\* См., напр.: Полн. собр. русск. летоп. Т. III. С. 283–305; Т. V. С. 52 и 73. Петрей, бывший в России в 1600–1612 г., говорит в своей Chronie. Moscovitic. P. 311: Die Reussen in ihren Sinn und Herzen so aufgeben und hochtrabend seyn, dass sie alle andere Nationen verachten. Буцсов, бывший в нашем отечестве

души христианские» (т. е. православных русских)\*; страшились всякого общения и сближения с ними даже в таких предметах, которые не имеют никакого отношения к вере\*\*. Итак, нужна ли, да и уместна ли была поэтому в XVI и XVII столетиях постоянная, энергическая полемика против лютеранства в нашем отечестве, — против лютеранства, с учением которого почти никто из русских того времени нисколько не был знаком и не хотел знакомиться и на которое все смотрели тогда как на учение еретическое, богопротивное, и даже нелепое и безмысленное? К чему было постоянно жаркою полемикою возмущать спокойствие духовных овец стада Христова, мирно пасущегося на тучной духовной пажити Слова Божия и учения святых вселенских отцов и учителей? Благоразумно ли было бить тревогу в то время, когда ниоткуда не угрожала опасность? <...>

Сознавая бесполезность и суетность всяких споров и состязаний о вере с еретиками, особенно такими, каковы были ученики и последователи виттенбергского реформатора, считая их даже положительно вредными, они уклонялись от всяких даже обыкновенных

---

1601–1617 гг., пишет в своей хронике (р. 39): Die Reussen fremde Nationen paganische heissen. Оберборний рассказывает, что царь Иоанн Васильевич IV, после каждой аудиенции, данной иностранным послам, тотчас по выходе последних из аудиенц-залы, при боярах, умывал свои руки, «как будто бы прикосновение к ним иностранца оскверняло их», замечает при этом Оберборний (см.: *Oberborn. Vita Johann Basilid. Lib. 1. P. 186*). Известно также, что обращающихся в православие лютеран у нас в 17 столетии крестили, хотя бы они и были уже крещены своими пасторами (см. Коллинса: Состояние России. С. 2). В Потребниках, изданных при патриархе Иосифе, в «чине крещения от ересей приходящих» повелевалось и приходящих «от люторские ереси крестить полным крещением», одинаково с приходящими от еллин (см.: *Иосифов. Потребн. в рукоп. Солов., теперь Казан. акад. библ. Л. 592–643*).

\* Мейерберг — *Iter in Moscoviam. § 69. P. 209.*

\*\* <...> В одном рукописном сборнике 17 столетия, принадлежащем Солов., теперь Казанск. акад. библ., находится длинное обличительное поучение русским людям того времени, в котором между прочим читаем: «братия моя возлюбленная, беда и скорбь и погибель роду христианскому: отлучився веры православные, изменивше благоверному царю и государю своему, и возлюбив слабую, и прелестную и незаконную латинскую и многих ересей веру, и позавидехом их иноверным *ризам, от глав и ног и всего их обычая*: и то не разумехом, чему от неверных порадеем, а после тому со слезами поработим: а Бог не повеле *на неверных ризы и на их обычаи* верным человеком взирати и завидети: понеже Богу мерзко *беззаконное шитье их и обычай их мерзок и неприятен*» (Сборн. рукоп. Солов., теперь Казан. акад. библ. № 932, в конце).

бесед с лютеранами. Только в особенных случаях, вследствие особенных каких-либо обстоятельств и вызовов со стороны лютеран, ревнители, хранители и защитники православия отечественной церкви вступали в прямую, открытую борьбу с ними и в своих сочинениях обличали их заблуждения, и опровергали их нападения и хулы на православие и православную церковь. Вот почему, главным образом, в богословской литературе северо-восточной русской церкви, XVI и XVII веков, мы находим не очень много полемических противолютеранских сочинений, и почему встречаются в эти века довольно продолжительные периоды времени, в которые не было написано ни одного подобного рода сочинения.

Наконец, скудость полемических противолютеранских памятников в богословской литературе Северо-Восточной России, XVI и XVII вв., объясняется и степенью просвещения русского народа и духовенства того времени. XVI и XVII вв. в истории Северо-Восточной России отличаются глубоким упадком просвещения. <...>

В Северо-Восточную Россию, в пределы собственно Московского государства, и особенно в Москву, лютеранство проникло очень рано, и именно вскоре по распространении своем в Западной Европе и странах сопредельных с Россиею — в древней Ливонии или нынешнем Остзейском крае, и в великом княжестве Литовском, или нынешней Белоруссии. Оно занесено к нам разными ремесленниками, художниками, людьми торговыми, солдатами и врачами, которых особенно много переселилось в Россию при царе Иоанне Васильевиче IV, вызывавшем в свое государство полезных и сведущих иностранцев. Немцы, как называли тогда у нас вообще всех лютеран, между тем как последователей римско-католического исповедания — латинянами\*, — немцы пользовались у нас правом свободно отправлять свое богослужение; в самой Москве, еще в начале 2-й половины XVI столетия, с дозволения московского правительства имели свои школы, свои молитвенные дома и даже кирки\*\*. Впрочем, им строго было воспрещено распространять свое вероисповедание между православными русскими. Правительство не желало даже никакого сближения с ними православных. И потому переселяющихся в Россию немцев, т. е. лютеран, оно поселяло

---

\* См. Снегирева: О начале и распространении лютер. церкв. в Москве. Москвит. 1843. № XI. С. 270.

\*\* Там же.

в особенных слободах за городом, отдельно и вдали от русских, и запрещало им селиться внутри самого города\*. Конечно, это распоряжение основывалось на тогдашнем взгляде всех вообще русских, не исключая и самого правительства, на немцев как на еретиков, нехристей, зловерных, безбожных, поганных и т. п., с которыми потому невозможно и не следует иметь православным никакого общения и сближения. Но главным образом наше правительство отделяло их от русских самым местом жительства с тою целью, чтобы по возможности затруднить распространение их религиозных верований и идей между последними. В предотвращение опасных для православных русских последствий сближения с живущими в России немцами, оно употребляло и другие более положительные и сильные меры\*\*. <...>

Царь Иоанн Васильевич IV вызывал в Россию иностранцев и большею частью немцев-лютеран; даровал последним свободу отправлять свое богослужение, позволял иметь собственные кирки, и вообще оказывал в отношении к ним гораздо более терпимости и даже, можно сказать, благоволения, чем в отношении к латинянам\*\*\*. Умный государь, он очень хорошо понимал, как далеко Россия отстала от других европейских государств на пути умственного и общественного развития; ясно видел многие нужды и потребности своего государства и своих подданных, и для удовлетворения их желал воспользоваться способностями и полезными знаниями иностранцев. Он был уверен, что немцы-лютеране, по своему характеру и по духу своего вероисповедания, могут быть совершенно неопасны или, по крайней мере, далеко менее

---

\* Там же. С. 271.

\*\* См. «Повеств. о России» Арцыбашева, т. II, с. 271. Когда Посевин ходатайствовал пред Иоанном Васил. IV о свободе римско-католического вероисповедания в России и от лица папы просил о том, «чтобы не держать в России министров люторских немецких, которые не знают Пречистые Богородицы и Святых Божиих, а чтобы держать правдивых священников веры римские», то в ответ ему «о люторех сказано, что в российском государстве всяких вер люди живут, и своим обыкновением; а к русским людям не пристають; а хотя бы кто и похотел пристати, и тому того чинить не попускают». См. «Повеств. о России» Арцыбашева, т. II, с. 271, в указ. месте.

\*\*\* Несмотря на самые убедительные просьбы римско-католиков, он не позволил им построить в Москве костел. См. «Повеств. о России» Арцыбашева, т. II, с. 371; там же, т. II, с. 484. По ходатайству Посевина он обещал было свободу римско-католического исповедания в России, но обещание осталось лишь обещанием. См.: Изв. о Пассевине. С. 98. 102.

опасны, чем латиняне, для целости и спокойствия его государства и православия, особенно при тех мерах предосторожности, какие он принял против опасных и возможных сближений с ними своих подданных и против совращения последних первыми\*. И потому гораздо снисходительнее и спокойнее смотрел даже и на особенности вероисповедания и гораздо более, чем папистов, ласкал их, надеясь чрез то сделать из них более усердных и добросовестных слуг и исполнителей своих намерений. Но искренно и глубоко преданный православию, хорошо понимая недостатки и слабые стороны Лютера и его учения, и в то же время пылкий по характеру, царь Иоанн Васильевич не всегда умел сдерживать порывы своих чувств, и потому нередко, в присутствии почитателей и последователей Лютера, откровенно, смело и резко высказывал свои мнения, свой взгляд на их учителя и его учение. Искусный богослов, хороший знаток Св. Писания и писаний св. отцов церкви и большой охотник до богословских споров, он нередко сам заводил с протестантами богословские диспуты, споры о вере в своих палатах, в собрании приближенных бояр и сановников русских, — *in corona nobilium et magnatum*, как выражается Одерборний\*\*. Иногда он вступал с ними даже и в письменные споры о вере. Такое именно прение имел он с Рокитою, который принадлежал к секте богемских братьев и был пастором этой секты\*\*\*. Памятники этого письменного прения сохранились и до нашего времени. <...>

Итак, царь Иоанн Васильевич смотрел на реформу Лютера как на самовольное, незаконное, дерзкое восстание против церкви, на проповедников ее — как на похитителей не принадлежащего им и даваемого только в церкви и церковью права учительства. Доказательства несостоятельности протестантского учения он находит не только в согласии его с учениями древних еретиков, осужденных многими соборами и св. отцами, в его противоречии Св. Писанию и учению древней церкви, но также и в несогласии и спорах самих реформатских проповедников относительно многих пунктов их учения. Но, хорошо понимая недостатки, несостоятель-

---

\* См. «Повеств. о России» Арцыбашева. Т. II. С. 271.

\*\* Hist. Russ. scriptor. exteri, saeculi XVI, Starczewsky, Oderborn. Johann. Basilid. Vita. Lib. I. P. 204, 205.

\*\*\* Хотя Рокита принадлежал собственно к секте Моравских Братьев, но Иоанн Васильевич принимал его за лютеранина и в споре с ним опровергал учение Лютера.



ность лютеранства, Иоанн Васильевич IV умел отличать и отделять в нем истину от увлечений и заблуждений, доброе от дурного. Так, в разговоре с пастором Бокгорном он говорил: «учение Лютера было бы близко к истине, и можно бы терпеть его, если бы Лютер, нападая с неумеренным жаром на папу, не ниспроверг древнего священного (церковного) порядка, и своего знания св. Писания не очернил низким отступничеством, свержением монашеской одежды и женитьбою на беглой монахине»\*. <...>

Со времени Иоанна Васильевича IV до Михаила Феодоровича в богословской литературе отечественной церкви мы не встречаем ни одного памятника полемики против лютеран. Напротив, в последние годы царствования Михаила Феодоровича (и именно с 1642 до 1645 г., в котором он скончался) полемическая литература против лютеран обогатилась несколькими подобными памятниками. Причина усиления полемики против лютеранства в это время заключается в современных исторических обстоятельствах и в современных отношениях к православным и Православной церкви последователей Лютерова учения.

Известно, что во времена смут самозванцев в Россию имели свободную, открытую дорогу все бродяги, всякого рода еретики, все и всякого рода люди, которым не жилось или плохо жилось на Западе. Последователи разных протестантских сект, так сказать, наводнили в это время наше отечество. Особенно же умножилось в нем число лютеран. Лютеране целыми толпами стремились к нам: частью вместе с самозванцами, из Польши и Литвы, где терпели они тогда жестокие преследования за веру, и от иезуитов, и от польского правительства, и от усилившихся во всех почти принадлежащих Польше областях кальвинистов и социниан\*\*;

а частью — из лютеранской Швеции вместе с войсками, приходившими оттуда сначала — с целью помочь нам против самозванцев и Польши, а потом, со времени воцарения Михаила Феодоровича, с намерением овладеть московским престолом в пользу своего принца. <...>

Таким образом, при царе Михаиле Феодоровиче, простым в вере и неопытным в искусстве различать духов лестчих от проповедников истины, чадам Православной русской церкви начала было

---

\* *Oderborn. Vita Johann. Basilid. Lib. 1. P. 204.*

\*\* Истор. церкв. гелвет. испов. в Литве — Лукашевича, в Чт. общ. ист. 1847 г. № 8, 4–15 с.

грозить довольно серьезная опасность со стороны протестантов. К предотвращению этой опасности, к предохранению православных русских от соблазнов и оболъщений со стороны последователей Лютерова учения, благочестивый и ревностный к православию государь Михаил Феодорович, по совету отца своего патриарха Филарета, употреблял различные гражданские меры\*. В то же время и с тою же целью православные отечественные богословы, располагающие другими, духовными средствами слова и убеждений, иногда по внушению того же государя и патриарха, стали составлять сочинения, в которых раскрывали и обличали заблуждения лютеранства, и защищали православие, опровергая возражения лютеран против догматов, учреждений и обычаев церкви православной. Не довольствуясь отдельными, частными статьями, направленными против известных только заблуждений лютеранских, православные отечественные богословы увидели необходимость в составлении таких сочинений, в которых были бы рассмотрены и обличены все заблуждения лютеранства, решены и опровергнуты все предлагаемые ими православным возражения, — из которых таким образом каждый сын Православно-русской церкви мог бы почерпнуть правильное понятие о лютеранстве, и готовые удовлетворительные ответы на все возражения и вопросы лютеран. Само собою понятно, что такое полное полемическое сочинение, и притом самостоятельное, вдруг явиться не могло, особенно в то время. Частных статей, направленных против частных лю-

---

\* Так, он разрушил лютеранские ропаты или кирки в самой Москве и запретил им впредь здесь быти (Первое Полное Собр. Закон. Т. 1. Улож. XIX, 40); отводил место лютеранам для жительства за городом (1635 г.); запретил иноземцам носить русское платье (Снегир. «О начале и распространении лютер. и реформ, церквей в Москве». Москвит. С. 274); приказал русским, находившимся в служении у иностранцев, «оставить дома некрещенных чужеземцев», с тем «чтобы и впредь не были бы у них, дабы не осквернялись души христианские и не умирали без духовных отцев» (*Мейерб. Iter in Moscoviam*, § 69. P. 209); повелел, «чтобы приезжающих в Новгород с шведской стороны (из Швеции тогда особенно много пребывало иностранцев в Новгород) молельщиков пускать в церковь не иначе как исследовав наперед, не поколебались ли они в вере; а в каменный город в софийскую церковь никого не пускать из таковых пришельцев»; также запретил «жить в Российских пограничных местах перебегающим туда из шведских владений попам и черницам» (см.: *Опис. Рук. Муз. Восток. № 46. С. 87, 88*) и пр. т. п.

Известно, что по Столбовскому миру некоторые русские города оставлены под властью Швеции.

теранских мнений и возражений, у нас было, кажется, довольно много, но они были разбросаны, рассеяны в разных рукописных сборниках. Для удовлетворения настоятельным современным потребностям православных прежде всего нужно было собрать пока вместе, в один сборник эти уже готовые полемические статьи. И вот при Михаиле Феодоровиче начали являться полемические сборники, или собрания уже прежде существовавших полемических статей, направленных против тех или других лютеранских заблуждений. Для большего и удобнейшего распространения их между православно-русскими, некоторые из таких сборников были напечатаны. <...>

В... 1642 году\* составлено «изложение на Лютера», или, как надписывается это сочинение в других рукописях: «изложение известно от божественных писаний старого закона и новые благодати на окаянные и злоименитые лютеры, на многие их ереси ответы возразительные»\*\*. Оно состоит из 47 глав. Первые 12 глав его суть не что иное, как именно сочинение «о образах, о кресте, о хвале Божии, о хвале и молитве святых» и проч., о которых мы говорили, и с содержанием которого читатели «Трудов» уже знакомы\*\*\*.

13 глава «изложения на Лютера» (см. рук. Солов., теперь Казан. академ. библ., № 607, л. 85–89) заключает в себе ответ лютеранам, говорившим, что «не могут праведнии ничтоже помощи нам, аще не сам Бог кого помилует; а еже по смерти святых явления — то вымысел лукавых человек». <...>

В 14 главе (там же, 89–131 л. на обор.) опровергаются возражения лютеран и кальвинистов против монашества и безбрачной девственной жизни вообще, и доказывается древность, богоугодность и согласие иноческой жизни с учением пророческим, евангельским и апостольским. <...>

В главе 15 (от 131 л. до 137) ревнитель и защитник православия укоряет лютеран за их неуважение к своим киркам и тайнствам, — за то, что они нечистые ходят в свои кирки и даже приступают к тайнствам, и поют обедни свои в простых домах.

---

\* «7150 (1642 г.) лета, июля в 14 день совершена бысть сия книга рукою многогрешного попа Ионина»; такая подпись находится на обороте 503 листа рукописи этого сочинения, находящейся в библиотеке Царского. См.: Опис. Рук. Царск. № 394. С. 461.

\*\* Рук. Солов., теперь Казан. акад. библ. № 607, в 4 д.

\*\*\* Труды Киев. Дух. акад. 1862 г. Июнь. 150–174 с.

В главе 16 (137–141 л.) обличаются незаконные браки и зазорная жизнь лютеранских священников и лютеранского духовенства вообще.

В 17 главе (от 141 л. до 147 на об.) опровергаются «мудрования лютеран о том, иже глаголют, яко не подобает св. угодником Божиим праздновати, кроме Божиих праздников». <...>

В главе 18 (от 147 л. на об. до 174 л.) содержится «ответ Немцем и Люторем о летописных книгах немецких и люторских, что не сходятся с греческими». <...>

В 19 главе (174–181 л.) заключается «ответ православных к люторем, иже глаголют, яко в чести подобает имети св. иконы, а молитися пред ними недостойтъ: сице убо второе идолопоклонение». <...>

20 глава (181–185 л.), по содержанию своему, есть продолжение предыдущей, 19. В ней автор подтверждает законность поклонения св. иконам примером израильтян, поклонявшихся, по повелению Моисея (Исх. 33: 10), столпу облачному, в котором являлся Бог, и приносивших жертвы пред ковчегом завета, замечая при этом, что если поклонялись ветхозаветной стени, то тем более должно поклоняться самым предметам, прообразам и стени которых поклонялись в древнем завете, — что если поклонялись киоту Господню, то тем более должно поклоняться иконе Самого воплотившегося Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа.

В 21 главе (от 185 л. до 219 на об.), на основании многочисленных мест из св. книг Ветхого и Нового Завета православный богослов доказывает, что «молиться Господу Богу должно стоя, и с поклонами, а не сидя, или лежа на локтях, подобно лютеранам, кальвинистам и папистам», и затем в форме разговора старается убедить противника в законности и необходимости такой же молитвы и пред св. иконами Христа Спасителя и святых угодников.

В 22 главе (от 219 на об. до 222 л. на обороте) говорится «о том же из Ветхого Закона к тем же еретиком: како мнози поклоняхуся праведницы ниц до земли Самому Господу Богу, тако же и царем и владеющим ими и друг другу всяк пол — мужеск и женск», и указываются многие примеры такого поклонения.

В 23 главе (от 222 л. на об. до 231 на об.) содержится «ответ люторем и латынником и иным еретиком о книгах Ветхаго закона и новыя благодати, иже глаголют, яко кроме бытейских книг и Апостола, где что написано, и тому нечего верити». <...>

В 24 главе (от 231 л. на обороте до 236), вопреки мнению лютеран и кальвинистов, утверждавших, что св. апостолы крещены только Духом Святым, по вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небо в день пятидесятницы, — доказывается, что они крещены и водою, еще при жизни Спасителя. <...>

В 20 следующих главах (с 26 до 45 включительно) доказывается законность и необходимость употребления в св. таинстве евхаристии хлеба обыкновенного, квасного, а не опресноков, как утверждают лютеране, паписты и другие западные еретики. <...>

В 46 главе (349 л. — 371 на об.) главным образом отстаивается и защищается от нападений и возражений лютеран авторитет св. Отцев и вселенских соборов в делах веры и церкви. <...>

Короче сказать: в некоторых статьях, составляющих в «Изложении на Лютера» главы 13–47, неоспоримо ясно высказывается такое близкое знакомство с различными протестантскими сектами, с их учением, образом жизни, привычками, обычаями и проч., какое трудно, если не совсем невозможно предположить, в первой половине XVII столетия, в жителе Северо-Восточной России, более удаленной от протестантских государств и получавшей сведения о преобразователях церкви западной и их учении, большею частью, уже чрез посредство писателей и образованных людей Юго-Западной России. Напротив, такое знакомство с протестантством несколько не удивительно и совершенно понятно в образованном жителе южнорусских областей, которые (не говоря уже об их близости к странам, бывшим отечеством реформаторов, и постоянных сношениях с этими странами) сами, еще в XVI столетии, были наводнены проповедниками различных современных религиозных сект и протестантских и других\*. С другой стороны, эти статьи обличают в авторе такую обширную начитанность, такую образованность, какой до самого конца XVII столетия мы не встречаем ни в одном писателе северно-русском и какую в XVII столетии можно было приобрести только в Южной России. <...>

Кто бы, впрочем, ни был автор статей, находящихся в «Изложении на Лютера», где бы и когда бы они ни были написаны, — это несколько не уменьшает достоинств самого «Изложения на Лютера» и заслуг составителя этого весьма замечательного полемического памятника, священника Иоанна.

---

\* Чит. Geschichte d. reform. Kirchen — Lukaszewitz. или отрывок этой истории в русском переводе, напеч. в Чтен. общ. ист. 1847 г. № 8.

«Изложение на Лютера» — обширнейший и полнейший из всех, известных нам, памятников богословской полемики отечественной церкви против лютеранства, XVI и XVII вв. Но не в этом его достоинство: оно весьма замечательно и по своим внутренним достоинствам. В нем с большею или меньшею, но всегда с достаточною полнотою, ясностью и основательностью рассмотрены и опровергнуты почти все главные, существенные, характеристические религиозные мнения и заблуждения лютеранства, почти все главнейшие и более сильные возражения протестантов против отвергаемых ими догматов, верований и учреждений церкви Православной. И не одни только лютеране найдут в нем ясное и сильное обличение своих заблуждений, и не на лютеранские только возражения чада Православной церкви имеют в нем готовые, разумные и основательные ответы. «Изложение на Лютера» имеет в виду последователей и прочих религиозных сект западных, выродившихся из реформы Лютера или возникших в одно время с нею, именно: кальвинистов, цвинглиан, социниан и даже папистов; и при опровержении заблуждений, общих у лютеран со всеми или некоторыми из поименованных сект, при защите догматов, верований и учреждений Православной церкви, отвергаемых всеми ими, между прочим разбираются и опровергаются основания и возражения и этих последних\*. Распространяться о внутреннем достоинстве «Изложения на Лютера», о твердости, обилии и разнообразии доказательств, в защиту догматов и постановлений церкви православной, также о силе опровержений мнений противников, о твердости и глубине убеждений автора в истине православия и несостоятельности протестантства, которые поражают нас при чтении каждой главы и придают особенный вес, особенную убедительность всему «Изложению», — распространяться обо всем этом мы считаем совершенно излишним

---

\* См., напр., в рукоп. Солов., теперь Казан. акад. библ. л. 90, 122, 140, 145, 149, 174, 325, 255, 356 на об., 378, 380, 383 на об., 384 на об., 389 на об. и проч. Некоторые главы «Излож. на Лютера» надписываются так: «Ответ Лютором, Кальвином и проч., еретиком» (над. гл. 14). «Ответ Латинником и Лютором и проч. еретиком» (над. гл. 15); «о молитве, яко стоя подобает молиться Господеви и открытою главою, а не возлегиши на локтях, или на коленях падши, как латинники и лютореве и кальвинницы молятся»... (над. гл. 21); «ответ Лютором и Кальвином и инем еретиком» (над. гл. 23); латини и римляне и лютори квасу не кладут в опреснок за чистоту и бесстрастие Божие..., и о том им зде ответ истинен», ... (над. гл. 38), и т. п.

после того, как представили довольно подробный анализ его содержания.

Нет также нужды много распространяться и о том, как велика заслуга попа Иоанна, как составителя этого весьма замечательного богословско-полемического памятника. Иоанн, как видно, желал и старался составить и дать православным чадам Русской церкви полное, связанное, стройное и законченное целое богословско-полемическое сочинение против протестантизма вообще. Он собрал вместе различные статьи, написанные против различных мнений и заблуждений лютеран и других религиозных сект западных XVI столетия, разместил их в 47 главах своего сборника и дал последнему общее заглавие: «Изложение на Лютера», или «изложение известно от божественных писаний Ветхаго Закона и новья благодати на окаянные и злоименитыя Лютеры, на многия их ереси ответы возразительныя». Кроме этой связи внешней, он старался дать своему сборнику связь и внутреннюю. Он пытался, заметно, разместить различные по содержанию статьи по порядку предметов, в них раскрываемых, и связать их одну с другою коротенькими прибавлениями в конце глав, которые у него составляют переходы от одной главы к другой.

Если Иоанн Наседка и не все «Изложение на Лютера» сочинил сам, если даже он только собрал вместе статьи, написанные еще прежде него, и некоторые из них перевел с южно-русского наречия на церковнославянский язык, общеупотребительный в его время в Северо-Восточной России, как язык книжный, — и в таком случае он много сделал для утверждения православия отечественной церкви. Выше мы видели, как умножилось в нашем отечестве число выходцев с запада во времена Иоанна Наседки; видели, какая опасность начала угрожать тогда простым чадам православной отечественной церкви, особенно со стороны лютеран. Понятно, что в такое время весьма важно было и собрать только вместе, в одну книгу полемические статьи, разбросанные по различным рукописным сборникам, и таким образом сделать их более доступными для каждого православного. Но статьи, помещенные в «Изложении на Лютера» с 13 главы, как мы замечали выше, в настоящее время встречаются в одном этом сборнике; поэтому мы вправе предполагать, что до Иоанна они не были известны в Северо-Восточной России, — что он первый взял их из каких-либо южно-русских сочинений, может быть не сохранившихся до нашего времени,

и перевел на язык церковнославянский; а может быть, некоторые статьи и сам написал.

Нельзя сказать, чтобы «Изложение на Лютера» было без всяких недостатков. В некоторых статьях его автор слишком увлекается доказываемою истиною. Так, например, в главе 14, содержащей в себе апологию монашества, начало его автор возводит ко временам апостольским и утверждает, что монашество еще при жизни апостолов существовало в том виде, в каком оно существует в Православной церкви и теперь; что и тогда намеревающиеся вести иноческую жизнь принимали пострижение в храм, пред божественным жертвенником, со всеми нынешними обрядами, и облакались во все нынешнее одеяние иноческого образа; что в монашество постригали еще сами апостолы\*; что при апостолах уже существовали монастыри и мужские и женские, и многие из них основали и устроили сами апостолы\*\* и проч.\*\*\*. На том основании, что в таинстве евхаристии употребляется у лютеран опреснок, он упрекает их в пристрастии к иудейству и даже говорит, что «у них совершенное жидовство, а христианство отнюдь несть ни единого в них». На том же основании утверждает, что лютеране исповедуют Христа приемша плоть бездушну, безумну (т. е. без души, без ума) и проч. проч. и что «потому их часть с Арием, Несторием, Аполлинарием, Евагрием и другими еретиками»\*\*\*\*. К этому нужно присовокупить еще и то, что автором приводятся иногда и свидетельства сомнительной достоверности\*\*\*\*\*.

Со стороны расположения статей и разделения глав, «Изложение на Лютера» более походит на простой сборник богословско-полюемических противупротестантских статей, чем на особенное, систематически целое сочинение, хотя составитель и старался дать ему некоторый вид системы. Статьи, которые, по сходству содержания, должны стоять рядом, иногда разделяются несколькими статьями, в которых говорится совершенно о другом предмете\*\*\*\*\*. Связь одной главы с другою совершенно внешняя, а иногда ее и вовсе нет, переходы от одной статьи к другой, помещенные состави-

\* Напр., апостол Петр в Риме.

\*\* Напр., «ученик Петра Марк в Египте многи монастыри состави».

\*\*\* См. гл. 14, л. 96–113.

\*\*\*\* См. гл. 38, л. 305–309, л. 370 на об. и 371.

\*\*\*\*\* Таких свидетельств довольно в гл. 14 и 23.

\*\*\*\*\* См., напр., гл. 1, 2, 3, 19, 20 и проч. сл. с гл. 4, 5–18.



телем для внутренней связи в конце главы, не всегда достигают своей цели\*. Разделение глав не всегда основывается на различии их содержания, иногда в нескольких главах говорится совершенно об одном и том же предмете\*\*, а иногда, напротив, в одной главе соединяются статьи различные, которые удобно могли бы составить отдельные главы\*\*\*. Встречается и то, что в одной или нескольких главах излагаются одни факты, а объяснение их заключается в нескольких других, особенных главах\*\*\*\*. Можно, конечно, находить в «Изложении на Лютера» и другие недостатки, но в каком сочинении подобного рода нет их? Имеет ли богословская литература наша, даже и позднейшего, настоящего времени хотя одно полемическое сочинение, свободное от всяких недостатков? <...>

После «Книги об иконоборцах, кальвинах и лютерах», до самого начала XVIII столетия, и именно — до «ответов лютеранам и кальвинистам, порицающим уставы Православной церкви», составленных Лихудами около 1706 г., не было написано ни одного богословско-полемического сочинения против лютеранства. Богословы отечественной церкви, равно как и гражданское правительство, в это время сильно были заняты другими, домашними врагами, с фанатическою злобою восстававшими столько же против истины Православной церкви, сколько и против всякого правительства — и духовного и гражданского, именно русскими раскольниками старообрядцами; против них-то, во все это время, исключительно была направлена и письменная полемика.

### **<ПРОТИВОЛЮТЕРАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ЮЖНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ XVI И XVII СТОЛЕТИЙ>**

Обнажив слабые стороны и несостоятельность, подорвав основы папства, так враждебно относившегося к православию грекороссийской церкви, Реформация тем самым естественно возвысила его истину в глазах всех православных, даже тех, которые до сего времени не были в состоянии сами понять и оценить его. После сего естественно должны были становиться более твердыми в православии даже те, которые среди жарких споров между православными

---

\* См. л. 136, 232 на об., 263, 349, 371, 372, 88 на об. и 89.

\*\* См., напр., гл. 19 и 20, 29 и 30; также гл. 39, 40, 41, 42, 43 и 44.

\*\*\* См., напр., гл. 46.

\*\*\*\* Гл. 33 и 34, сл. с гл. 35 и 36 и д.

и римско-католиками могли колебаться в недоумении, на чьей стороне — истина. С другой стороны, в это время, время всеобщего религиозного движения умов, произведенного Реформациею, в польско-литовских областях иноверцы встречали много побуждений и случаев к ближайшему знакомству с исповеданием восточной Церкви, многие знакомились с ним и, невольно убеждаясь в его превосходстве пред всеми другими, существующими вероисповеданиями, присоединялись к Православной церкви. <...>

Притом ревнители и защитники православия южно-русской церкви в XVI и XVII столетиях не встречали со стороны лютеран особенных вызовов на богословскую, письменную против них полемику. Протестанты вообще не отличались, подобно латинянам, страстью к пропаганде. В польско-литовских областях, в XVI и XVII столетиях они заняты были усиленною, напряженною борьбою, борьбою на жизнь и смерть с папством и его поборниками — иезуитами. Ревнители папства, и особенно иезуиты, напрягали все свои силы, употребляли все и всякого рода средства, чтобы подавить и совершенно уничтожить протестантство и протестантов. Они постоянно грозили совершенною гибелью новому учению и его последователям. Протестанты и, в частности, лютеране в польско-литовском королевстве в XVI и XVII столетиях постоянно должны были отстаивать и защищать не только свое вероисповедание, но вместе и свои гражданские и человеческие права, и даже самую жизнь. Они подвергались в польско-литовских областях более жестоким преследованиям и насилиям со стороны приверженцев папы и особенно иезуитов, чем православные. Иезуиты видели в них помеху к подчинению папе Русской церкви; они были уверены и уверяли своих сторонников, что «об истреблении еретиков, т. е. протестантов, особенно и прежде всего надобно заботиться, потому что, говорили они, доколе среди нас не будут подавлены еретики, доколе нельзя будет ожидать окончательного, полного соединения Русской церкви с латинскою. Ибо как члены Восточной церкви могут быть приведены к совершенному послушанию римскому престолу, когда в Польше рядом с ними будут люди, принадлежавшие некогда западной церкви, а теперь решительно отказавшиеся повиноваться ей?»\* Вот почему, главным образом, с такою настой-

---

\* Так говорили иезуиты в письме своем к изменнику православия митрополиту Михаилу Рогозе, убеждая его содействовать им в истреблении протестантов. Reform. Kirch. Gesch. Lukaschew. 46–48 с. в примеч.

чивостью, с таким ожесточением иезуиты преследовали в Польше и Литве протестантов. В таких обстоятельствах открыто нападать протестантам на православие и заявлять покушения на совращение в свое общество чад Православной церкви значило бы еще более увеличивать число своих врагов, и без того уже многочисленных, и делать свое, и без того жалкое положение, еще более опасным. Не будучи в состоянии одни бороться с своими врагами, протестанты находились вынужденными искать и искали дружбы и союза православных южно-русских; а для достижения этой цели они, естественно, должны были, сколько могли, оставлять, и оставляли, в покое их религиозные верования и убеждения.

Правда, что если и не было настоятельной нужды в письменной полемике против лютеранства для предохранения от него чад Православной церкви, то все-таки православные могли вести полемику против его учения с целью обратить к истине самих лютеран. Но с одной стороны, представители и защитники православия Южно-Русской церкви XVI и XVII столетий слишком мало имели для того свободного времени, потому что на них много забот и трудов возлагали другие более настоятельные, вопиющие потребности Церкви. А с другой стороны и то нужно сказать, что до конца XVI столетия Южно-Русская церковь слишком мало могла выставить людей, которые были бы в состоянии с честью и успехом бороться с такими искусными и сильными противниками, каковы были проповедники новых учений. <...>

Как видно из приведенных сейчас свидетельств, просвещенные представители и ревнители южно-русского православия очень ясно видели и понимали, что самым главным, опасным и существенным злом, из которого прямо проистекали все современные беспорядки, болезни и несчастья Южно-Русской церкви, был упадок духовного просвещения, — невежество вообще. И вот они начинают основывать одно за другим училища и школы, и все свои заботы и труды прежде всего и более всего обращают на устройство и возможное усовершенствование этих училищ и на распространение между православными духовного просвещения и образования. <...>

Заботами и стараниями просвещенных ревнителей православия некоторые из этих вновь заведенных училищ возведены на такую высокую степень процветания, что уже в первой же половине XVII столетия, — например, киевское при Петре Могиле, — превосходили все учебные заведения в Польше, приобрели громкую известность за границей, и в них являлись молодые люди из всех

окрестных стран для окончательного, высшего образования\*. Они воспитали и образовали многих просвещеннейших иерархов, образованных учителей школьных, знаменитых проповедников народных, и, наконец, ученых богословов, искусных защитников православия и способных с честью и успехом бороться с его врагами. Но все почти эти лица ограничивали свою борьбу с лютеранством и вообще «новыми учениями» лишь опровержениями его особенных и отличительных догматов в школьных богословских системах и частных диспутах между собою, в стенах своих школ\*\*; открытую же письменную богословскую полемику вели почти с одними только римско-католиками. И это естественно и понятно.

Как мы уже видели, протестантство вообще не представляло видимой опасности для православной Южно-Русской церкви; просвещенные ревнители и защитники православия не встречали особенных, настоятельных вызовов со стороны протестантов к открытой, письменной борьбе с ними и не видели, с своей стороны, в ней особенной нужды. Гораздо более было причин и настоятельных побуждений для них обратить все свои силы, все свое внимание на полемику с латинством, в которой нельзя было не сознавать крайней нужды. <...>

Многие даже из образованнейших сынов Православной церкви совращались, в конце XVI и первой половине XVII столетия, или в унию, или в латинство, и своими сочинениями, писанными против Православной церкви греко-российской и в защиту унии и папства, старались увлекать и увлекали за собою и других своих соотечественников прежних единоверцев\*\*\*. Можно ли после этого

\* См.: Труды общ. любит. рос. слов. Ч. VII. С. 117.

\*\* См. конспект богосл. лекций Иоасафа Кроковского в Истории Киев. акад. Макария, в примеч. на с. 69–74.

\*\*\* Таков, напр., был знаменитый своею ученостью и ревностный защитник православия, известный Мелетий Смотрицкий, архиепископ виленский. Увлеченный в унию, он написал немало сочинений, в которых возносил разные обвинения и клеветы на прав. греческую и русскую Церкви, восхвалял унию и папство и всех православных убеждал последовать его примеру. (См. в Прав. Обзор. 1861 г., июнь, июль и август, ст. «Мелетий Смотрицкий»). Таков же был и даровитый Кассиан Сакович (см. «Камень» П. Могилы, написанный против сочинений этого отступника, с. 379), и др. (см. речь, произнесенную на сейме Лаврентием Древинским у Бантыш-Каменского, с. 69; также — Lukaszew. Reform. Kirch. Geschichte, 45). Известный священник Острожский Василий, в своей книге, писанной в 1588 г., свидетельствует, что в его время «завистию диаволею многие,

удивляться тому, что внимание просвещенных ревнителей и защитников православия Южно-Русской церкви, в XVI и XVII столетиях, главным и почти исключительным образом было обращено на латинян, — что они старались более и прежде всего предохранить чад Православной церкви от нападений папистов и ушатов, употребляя для этого силу образования своего и слова?

По словам известного священника Острожского Василия, в его время, именно во 2-й половине XVII столетия, многие православные южно-русские смотрели на протестантов и, в частности, на лютеран как на ограду, защищающую их от папистов, и говорили, «яко еретики (протестанты) заступление здешних (южно-русских) христиан от зловерных (т. е. римско-католиков и особенно иезуитов), которые за еретиками не могут их приневоливать в зловерие свое»\*. Сочинитель «Перестороги» говорит, что, когда от жестоких преследований и насилий Ипатия Поцея многие православные разбежались из домов своих, — «братство виленское вкуче зостало маючи при себе геретиков (т. е. протестантов), которых им Господь Бог заступники дал»\*\*. Во времена жестоких гонений и преследований со стороны поборников римского католичества, во 2-й половине XVI и первой половине XVII столетия, православные южно-русских областей соединялись с последователями Лютера для взаимной защиты своих прав и свободы вероисповеданий и для отражения нападений со стороны папства, особенно иезуитов; составляли с протестантами, находящимися в польско-литовских областях, конфедерации и заключали форменные договоры, по которым обязывались защищать друг друга на польских сеймах, в трибуналах, пред королем — словом, везде, всегда и от всех притеснений и насилий, скрепляя эти договоры взаимными присягами и письменными актами\*\*\*.

---

света сего мудрованием и славою погибающею прельстившися, отторглись от прав. Церкви к латинству, и (до днесь) сопротивляющесе истине, многих в зловерие свое понуждают, яко неким и от правоверных чад (мню, яко от неведения, замечает он), а также впадающе присвоятися им». (В послеслов. к «Книге о вере». См. рук. библ. Казан. акад. бывш. Соловец. № 603. Л. 300 на об.).

\* Его «Книга о вере», рук. библ. Казан. акад. бывш. Соловец. № 603. Л. 298 на об.

\*\* Акт. зап. Рос. Т. IV. № 149. 215 с.

\*\*\* Так они соединялись с протестантами в 1570 г., с тем чтобы общими силами воспрепятствовать опасному для всех диссидентов (не-католиков) вторжению иезуитов в Вильну (*Lukaschew. Reform. Kirch. Gesch.* 9 с.), которая, по сознанию самих иезуитов, была столицей православия на западе. Соединялись

Совершенно несправедливо было бы выводить отсюда то заключение, будто православные Южно-Русской церкви в XVI и XVII столетиях сочувствовали реформе, самому учению Лютера и его последователей: против него ясно говорят приведенные нами выше факты и свидетельства современников, даже не при-

---

также 1572 г. с целью не допустить на сейме избрание на польский престол короля — приверженца папы (Lukaschew. Reform. Kirch. Gesch. 26 с.) и пр. и пр. (см.: Ист. рус. Ц. Филар. IV, 146 с.). В 1599 г., 30 мая, православные составили с протестантами в Вильне конфедерацию. Акт этой конфедерации был подписан 168 особами, в числе которых было 17 сенаторов греческого исповедания и 12 протестантского; он был скреплен печатями всех, и подлинник, по записании его в городовые книги, отдан был для хранения в кенигсбергский, королевский, радзивиловский архив. Список с него помещен в описании Киево-Софийского собора под № 15, на с. 149. «Охраняя сию конфедерацию и с тем вместе христианское учение и свободное исправление благочестия, — писали между прочим члены виленской конфедерации, — по силе конфедерации не хотим допускать с помощью Божию ни насилием, ни законными предложениями отнимать у себя сих прав; а будем церкви, соборы, кирки, в нашей власти находящиеся, и владение ими неотступчиво охранять и защищать, и все места, а наипаче лица на богослужение определенные, и яко порученные под защиту конфедерации (да поможет нам в том Господь) в постоянном нашем защищении содержать; а о том, чтобы прошедшие оскорбления были умягчены, наглости наказанием укрощены и впредь были бы удержаны, на сеймах и в других народных управах у панов республики, а особенно у его королев. величества, в милостивом расположении коего и сострадательном на обиды наши воззрения не сомневаемся, прилежно, ревностно и совокупно стараться; и на сей конец не будем между собою делать никакого упущения и уклонения за различие в богослужении и отправлении обычных обрядов в церквах и соборах. Напротив того друг друга, и именно грек других греков и евангеликов, и евангелик других евангеликов и греков, и кого-нибудь из них, обиды, уроны, оскорбления и отягощения или за веру, или в отношении веры, дружелюбно отвращать. Также, если бы (чего не допусти Боже) отступники от своей присяги и от конфедерации захотели нам, нижеподписавшимся, какое насилие и оскорбление, как в исповедании греческом, так и евангелическом, восставая на нас каким-нибудь способом и воспречая нам в нашем богослужении, или оскорбительно поступая с лицами и местами, посвященными богослужению какой-либо религии... в таких случаях без всякой отговорки, как все вместе, так и каждая из нас часть и даже каждое лицо порознь, получавши о сем известие, должны к тому месту, где намереваются или уже делают насилие, в самое время как для погашения общественного пожара, стекаться, пособие подавать утесненным и в опасности находящимся заступление и защиту оказывать. Таким образом мы будем стараться не на словах только, но на самом деле в вере, спокойствии и совести свободу благочестия и лиц, и безопасность мест богослужению посвященных, и целость церковных соборных имуществ, несмотря ни на какие трудности и опасности, не жалея трудов и иждивения, по всей возможности и умению хранить».

надлежащих к Православной церкви. Притом же православные при самом заключении союзов с протестантами прямо и решительно объявляли, что «союз православных с иноверцами не может быть под условием отречения первых от своей веры» и «что настоящий союз их не более как гражданский»\*.

Православные южно-русских областей подвергались, со стороны поборников папства, не одним преследованиям нравственным, но и различным жестоким притеснениям и насилиям внешним. Они постоянно встречали самые противозаконные, самые наглые и жестокие покушения на свои человеческие и гражданские права, на целость и неприкосновенность своих имуществ и даже самой жизни\*\*. Не находя правосудия и защиты ни у польского правительства, ни у вельмож, они должны были сами, собственными силами и средствами защищать себя от нападений врагов их веры и благосостояния. Но эти враги были слишком сильны и многочисленны, чтобы можно было бороться с ними одними собственными силами, — необходимо было искать себе союзников и помощников.

Положение протестантов в польско-литовских областях в это время, т. е. в XVI и XVII столетиях, было таково, что они были для православных самыми естественными и самыми надежными союзниками. Протестанты находились здесь в таком же крайнем положении, как и православные; они подвергались даже еще большим и жесточайшим насилиям и притеснениям со стороны поборников папства, чем православные; на них особенно и прежде всего направлялись все козни, все насильственные меры иезуитов и руководимого им правительства\*\*\*. Одинаковость положения, естественно, указывала православным на протестантов как на лучших союзников и сближала их между собою. Протестанты, со своей стороны, по тем же побуждениям и в тех же видах, искали союза с православными. И вот не изменяя своей вере, оставаясь верными своим религиозным убеждениям те и другие — православные и протестанты — соединяются вместе, заключают между собою союзы против своих общих врагов, для защиты своих церковных и гражданских прав, одинаково нарушаемых их врагами.

Но если близкие, дружественные отношения православных к протестантам в польско-литовских областях в XVI и XVII вв. были

---

\* См. Новикова: «Православие у чехов» в Чтен. общ. ист. 1848 г. № 8. С. 6.

\*\* См. «О зловредн. действ. иезуитов» — Лилова. С. 181–201.

\*\*\* Lukasch. Ref. Kirch. Cesch. 45–48 с.

естественны, и нимало не предосудительны для первых; то с другой стороны, по нашему мнению, этим обстоятельством отчасти можно объяснить ту скудость богословско-полемических сочинений против лютеранства, какая замечается в южно-русской литературе этой эпохи. При таких отношениях к протестантам, при таком взгляде, какой имели на них православные южно-русских областей в XVI и XVII столетиях, не совсем уместно и благоразумно было бы вести сильную и горячую полемику против их религиозных верований и убеждений. Ревнители и защитники православия Южно-Русской церкви должны были понимать и, без сомнения, понимали, что может произойти для них самих от религиозных споров и прений с их союзниками; несчастные последствия подобных споров лютеран с последователями других «новых учений» в польских владениях во 2-й половине XVI столетия, гибельные для тех и других, были у них пред глазами и давали пример осторожности.

